

Проф. И. М. Лурье

ХРАМОВЫЙ СУД В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ ВО ВРЕМЕНА НОВОГО ЦАРСТВА

Вопрос о месте жречества в системе древнеегипетского общества, несмотря на все свое значение, остается еще весьма мало разработанным. В частности, почти не изучался и вопрос о храмовом суде, о значении права суда для храмов. Данные, говорящие о храмовом суде, весьма скудны. Вместе с тем, поскольку храмовый суд называется, так же как и светский, — *knb·t*, зачастую представляется достаточно трудным решить, относится ли тот или иной документ к храмовому или светскому суду.

До сих пор считалось, что к храмовому суду возможно отнести лишь один текст — папирус Берлинского музея 3047 времени Рамсеса III. Мне же представляется возможным к этой же категории суда отнести еще ряд документов XVIII династии: папирусы Гуроб II, 1 и II, 2, папирусы Берлинского музея 9785 и 9784¹, неопубликованный папирус Эрмитажа № 5597, а также все документы, в которых в качестве судилища фигурирует некропольский кебет. Последний мне представляется несомненно каким-то видом храмового суда, хотя некоторые ученые и относят его к числу местных судебных органов. Ведь известно, что фиванский некрополь находился на особом положении: некропольский персонал во времена XIX—XX династий представлял собой нечто вроде религиозного братства, а фиванский некрополь составлял часть владения бога Амона. То, что дело обстоит именно так, подтверждается тем, что часть храмовых даров получали все некропольские ремесленники. Так, в записях писца фиванского некрополя, касающихся забастовки ремесленников, мы находим такую пометку. «Год 29, первый месяц *šmw*, день 25. (Достижение) ремесленниками храма Усермаатрасотепенра (= Рамессеум), этого великого бога. Нашел я (их) там. Сказал² он им: «Я пойду в Город (= Фивы), чтобы свидетельствовать верховному жрецу Амона и князю Города. Он не дал им пищи из жертвенного добра (храма) Усермаатрасотепенра. Это преступление большое, то, что он сделал»³. Это, как мне кажется, исключает возможность отнесения суда некрополя к числу светских органов правосудия.

¹ Этот документ, исходя из его общности с ПБМ 9785 и Пап. Гуроб II, 1 и II, 2, я отношу к храмовому суду, хотя состав членов кебета в нем и не указан.

² Кто то лицо, о котором идет здесь речь, не ясно; вероятно, это писец некрополя.

³ A. Gardiner, *Ramesseid Administrative Documents*, 51,15 — 52,3.

1. Состав храмового суда

Судя по всем этим данным состав храмового кенбета имел следующий вид:

ПБМ 3047: 1) верховный жрец бога Амона Бекенхонсу, 2) жрец бога Амона Усермонту, 3) жрец бога Амона Рама, 4) жрец храма богини Мут Уннефер, 5) жрец храма бога Хонсу Амонемин, 6) жрец храма бога Амона Амонеминт, 7) жрец-уаб и херихеб бога Амона Амонхотпу, 8) жрец-уаб и херихеб бога Амона Ани, 9) жрец-уаб храма бога Амона Хеви и 10) писец счета кенбета Фив — Хеви.

Пап. Гуроб II, 1 : 1) жрец Чаи, 2) жрец Хаи, 3) жрец-уаб Хаут, 4) жрец-уаб Пауах и 5) жрец-уаб Ра. Писец, составивший документ: писец счета, жрец-уаб Уннефер.

Пап. Гуроб II, 2 : 1) жрец Чаи, 2) жрец Хаи, 3) жрец-уаб Пауах, 4) жрец-уаб Намех и 5) квартальный (?) войска Гер...мену. Писец, составивший документ: жрец-уаб Уннефер.

ПБМ 9785 : 1) жрец-уаб..., 2) жрец-уаб Ирер, 3) начальник маджаев Ипа. Писец, составивший документ: писец счета Ча... .

*ПЭМ 5597*¹ : 1) [жрец] ... Мери, 2) жрец Амонемусех, 3) жрец Горерхет, 4) жрец..., 5) жрец-уаб Птахмес, 6) начальник стражи Месу, 7) жрец-уаб Мери, 8) ..., 9) жрец-уаб Чауи..., 10) жрец-уаб Гормес, 11) жрец-уаб Маиперусер и 12) жрец-уаб Хамауаст.

Из этих списков явствует, что храмовый кенбет, как правило, состоял из жрецов и только как исключение в его составе встречаются лица, носящие светские звания: начальники храмовой охраны (*ПБМ 9785* и *ПЭМ*), квартальный (возможно, также относящийся к храмовой охране; *Пап. Гуроб II, 2*) и писец светского суда². Наличие первых вполне естественно, так как эти категории лиц, несомненно, входили в состав основного храмового персонала, наличие же писца светского суда, хотя и заслуживает особого внимания (почему — я к этому обстоятельству вернусь ниже), все же не меняет жреческого облика храмового кенбета.

Несколько иной вид имеет состав кенбета некрополя, однако прежде чем перейти к рассмотрению его состава, необходимо выявить, какие документы должны быть отнесены к этому органу суда, который, насколько мне известно, назван только в одном случае³. Этого одного текста было бы, разумеется, мало для того, чтобы выяснить, что представлял собой кенбет некрополя. Однако он дает возможность отнести к этому же судилищу и другие документы.

Упоминаемый в указанном выше остраконе (*ОКМ 25553*), датированном 12-м годом Рамсеса III, кенбет некрополя состоял из начальника отряда ремесленников Хаи, начальника отряда ремесленников Нахтеммута и писца Пасара. Этот состав суда целиком больше не встречается ни в одном из известных мне документов, но отдельные его члены значатся и в других случаях как члены кенбета. Так, начальник отряда ремесленников Нахтеммут назван в числе тех лиц, по решению которых в 4-м году Рамсеса IV ремесленнику Хаи было присуждено право пользования дорогой (*ОКМ, 25555*). В том же году начальник отряда ремесленников Нахтеммут, очевидно, как член суда, был одним из свидетелей, присутствовавших при

¹ Папирус происходит из бывш. коллекции В. С. Голенищева. Исходя из некоторых данных, он, повидимому, должен быть отнесен к тому же архиву, из которого вышли *Пап. Гуроб II, 1* и *II, 2*; *ПБМ 9785*.

² *ПБМ 3047*. Являлись ли писцы-составители *ПБМ 9785* и *Пап. Гуроб II, 1* и 2, ³т³ писцами светского суда, — не ясно.

³ *ОКМ 25553*. Это черновик акта регистрации уплаты ремесленником Хнуммесом долга, установленного по суду.

решении оракула, разрешившего тяжбу о праве собственности на могилу (ОБрМ, 5625) и о праве владения ослом (ОДМ, 133). В царствование Рамсеса V тот же Нахтеммут упомянут в составе суда, утвердившего завещание Нутнахти¹. Начальник отряда ремесленников Хаи как член кенбета был свидетелем оракула, решившего в 14-м году царствования Рамсеса III тяжбу о праве собственности на дорогу (ОКМ, 25555), а писец Пасар упомянут в черновике судебного протокола, датируемого временем XX династии (ОДМ, 225). Наличие во всех приведенных мною случаях среди членов суда лиц, относительно которых достоверно известно, что они были членами кенбета некрополя, дает основание видеть в остальных членах судилищ, перечисленных в тех же документах, также членов некропольского кенбета. Это предположение подтверждается как званиями всех этих лиц, так и упоминанием их в многочисленных хозяйственных документах, касающихся фиванского некрополя. Тем самым становится достоверным отнесение к тому же некропольскому кенбету всех остальных правовых документов, где фигурируют те же лица. Поэтому, хотя кенбет некрополя и назван только в одном случае, для суждения о нем мы располагаем относительно большим количеством данных: исходя из приведенных выше оснований, я отношу к нему остраконы Каирского музея 25553, 25555 и 25556, остраконы из Деир-эль Медина 59, 73, 133, 225 и 235, остраконы Британского музея 5625 и Берлинского музея 10655, папирус Берлинского музея 10496, все папирусы, связанные с завещанием Нутнахти, остракон Бодлейнской библиотеки 253, остракон Питри 21, остракон Гардинера 4 и сильно поврежденный папирус Туринского музея, изданный у Pleyte и Rossi, табл. 40. Это дает достаточные возможности как для характеристики состава кенбета некрополя, так и для суждения об его компетенции.

Количественно число членов кенбета некрополя, присутствовавших при рассмотрении различных дел, неодинаково: оно колеблется от одного до четырнадцати²; это объясняется как причинами общего порядка, так и характером рассматривавшихся вопросов: при разборе тяжб присутствовало не меньше двух членов кенбета, и лишь при регистрации различных правовых актов было достаточным присутствие только одного члена суда³.

Сопоставление близких по времени документов показывает, что в состав кенбета некрополя могли входить два начальника отряда ремесленников, два писца, два начальника маджаев, два квартальных ($w^{\prime}rt.w$), два привратника, заместитель ($idnw$) (начальника отряда ремесленников?), художник и некоторые из ремесленников, т. е. в основном лица, составлявшие администрацию некрополя. Чем обусловлено имеющее место в двух случаях (ОКМ 25556 и завещание Нутнахти) поименное перечисление всех участвовавших в заседании кенбета ремесленников, мне не ясно. Повидимому, в силу каких-то неизвестных нам причин в период составления данного документа перечисленные в нем ремесленники входили в состав кенбета⁴. Кенбет некрополя состоял, очевидно, из равного числа

¹ J. Cerný, The will of Nounahte, JEA, XXXI, стр. 29 сл.

² Надо учесть, что почти все относящиеся к кенбету некрополя документы представляют собой запись на остраконах, т. е. являются черновиками подлинных документов, которые должны были затем быть переписанными на папирус для помещения их в архив. Поэтому, может быть, писец записывал и не всех членов суда, полагаясь на свою память.

³ ОДМ 56 и 73 гт., а также 59, хотя здесь, возможно, имена остальных членов кенбета утрачены.

⁴ Нельзя полагать, что имена ремесленников в данном случае заменяют достаточно обычную формулу деловых документов фиванского некрополя (применяющуюся для обозначения свидетелей) «и всеми ремесленниками целиком», ибо после имен ре-

представителей обоих ремесленных отрядов некрополя, причем в нем председательствовали по очереди начальники обоих отрядов¹.

Из этих данных о составе кенбета некрополя видно, что его члены принадлежали именно к той части некропольского персонала, которая входила в состав существовавшего здесь религиозного братства. Поэтому, хотя клерикальный характер этого судилища внешне не выражен,² он все же совершенно несомненен.

2. Функции храмового суда]

Храмовый кенбет (и в том числе кенбет некрополя) является советом, коллегией, управляющей всеми делами храма и храмовых владений. В качестве такого совета храмовой кенбет фигурирует уже во времена Среднего царства в договорах сиутского номарха Джефай-хапи (AZ, XX, 159 сл.). Поэтому судопроизводство не являлось единственной обязанностью храмового кенбета, и оно, подобно тому, как мы это уже знаем в отношении светского кенбета, было лишь одной из сторон его деятельности: в качестве коллегии, творящей суд, храмовый кенбет, так же как и светский, называется «кенбет седжемиу».

Храмовый кенбет возглавлялся верховным жрецом данного храма². Встречающееся в некоторых текстах (ПБМ 9785 и ПБМ 3047) выражение «кенбет этого дня», как это уже установлено в отношении светского кенбета, свидетельствует о том, что на судебных заседаниях не обязательно было присутствие всех лиц, входивших в состав кенбета данного храма.

Для Нового царства существование кенбета документально засвидетельствовано, насколько пока известно, только в фиванском храме Амона (ПБМ 3047), в храме Рамсеса III, находившемся в фиванском некрополе (ПТМ 2021), и в храме Осириса в Абусире (Пап. Гуроб II, 1 и II, 2). Такие кенбеты существовали, повидимому, во всех храмах.

Для правильного понимания храмовой юрисдикции весьма существенным является вопрос, на кого она распространялась и какого рода дела были подсудны храмам. В ПБМ 3047, содержащем процесс относительно распределения между наследниками доходов с земельных угодий, сторонами являются царский писец запасов Неферабу и жрец Уннефер. В пап. Гуроб II, 1, содержащем договор о найме рабыни, сторонами были начальник пастухов (очевидно, храма) Меси и «горожанка» Пихи со своим сыном, жрецом-уабом Мини. В пап. Гуроб II, 2, содержащем также договор о найме рабыни, фигурируют, в качестве сторон, те же начальник пастухов Меси и «горожанка» Пихи. В ПБМ 9785, в котором излагается процесс относительно уплаты стоимости коровы, действующими лицами являлись начальник пастухов Меси и некий Хати, звание которого текст не указывает. Процесс по обвинению начальника отряда ремесленников некрополя в произнесении хулы на фараона зафиксирован в ОКМ 25556. Записи двух сделок между ремесленником некрополя и некропольскими водоносами содержит ОБМ 10655. В ОДМ 225 сохранилась тяжба об оплате стоимости саркофага, изготовленного ремеслен-

ремесленников следует запись о том, что при рассмотрении дела, кроме членов кенбета, присутствовал «полный состав ремесленников».

¹ Так, мне кажется, следует понимать то, почему в перечне членов кенбета первым называется то начальник «правого», то начальник «левого» отряда ремесленников некрополя.

² ПБМ 3047. Следует отметить, что в этом тексте мы имеем любопытное свидетельство того, что в состав храмового кенбета входили жрецы всех имевшихся при нем приделов.

ником некрополя для умершего супруга некоей «горожанки». Процесс между двумя некропольскими ремесленниками относительно права владения гробницей содержится в ПБМ 10496 и ОБрМ 5624. Четыре документа освещают завещание «горожанки» Нутнаhti и его исполнение.

К делам, разбиравшимся перед кенбетом некрополя, судя по общему характеру текстов и месту их находок, я отношу также тяжбу о возмещении стоимости осла (ОБМ 1121), где сторонами был водонос некрополя и, повидимому, ремесленник некрополя, тяжбу между «горожанкой» и ремесленником некрополя о месте, принадлежавшем умершему супругу первой (ОДМ 235), и контракт (ОДМ 62), заключенный между ремесленниками некрополя и водоносом о найме осла. Для полной характеристики круга дел, разбиравшихся некропольским судом, следует учесть и те документы, в которых обе стороны или только одна не названы по должности. Я имею в виду ОБодБ 253, в котором записано обращение к суду некоего человека, требовавшего оградить его дочь от дурного обращения мужа, а также клятвенное обязательство (ОДМ 73) и процесс об уплате долга (ОКМ 25563).

Исходя из приведенного материала, можно сделать заключение, что храмовый суд Нового царства занимался главным образом делами имущественного характера, поскольку только в двух случаях (ОБодБ 253 и ОКМ 25556) документы касаются вопросов иного порядка. Очевидно, уголовные дела обычно находились вне компетенции храмового суда и разбирались светским судом. Чем же определялась подсудность того или иного дела именно храмовому, а не светскому суду? Мне кажется, она определялась прежде всего принадлежностью сторон к храмовому персоналу: в подавляющем большинстве тех имущественных дел, которые можно отнести к храмовому суду, обе стороны принадлежат к храмовому персоналу. Однако это не является единственным признаком: ведь имеются случаи, как, например, в ПБМ 3047, когда к храмовому персоналу принадлежала лишь одна из сторон. В этих случаях подсудность дела именно храмовому суду определялась, думаю мне, тем, что объект спора принадлежал одному из тяжущихся как служителю культа в качестве его храмового надела. То, что дело обстояло именно так, вытекает из показаний истца (если я правильно понимаю этот достаточно поврежденный и плохо изданный текст) в уже упоминавшемся ПБМ 3047, где указывается, что объектом процесса были поля, о которых в тексте сообщается, что: «... он передал их (т. е. поля) храму Мут» (ПБМ 3047, стр. 15).

Уже выше, как обстоятельство, заслуживающее особого внимания, был отмечен тот факт, что в составе храмового суда мы видим писца фиванского кенбета. Значение этого факта состоит в том, что он в известной степени освещает взаимоотношения храмового судилища со светскими властями во времена Нового царства. Единственное объяснение наличию писца центрального кенбета в составе храмового суда, как мне кажется, можно найти в предположении, что храмовый суд был подконтролен визирю и что писец являлся его представителем. Ведь визирь, согласно «Инструкции визиря», был обязан осуществлять контроль за всей судебной-правовой жизнью в стране. То, что судебные полномочия визиря во времена Нового царства полностью распространялись на храмы, подтверждается указанием ПТМ 2021, где мы читаем: «Было дано визирем повеление Птахемхебу, жрецу-уабу и писцу счета палаты храма Рамсеса III: «Пусть будет закреплено это распоряжение, которое я сделал, в реестрах храма Рамсеса III». И была сделана копия для большой палаты города» (IV, 2—3).

Самостоятельность храмового суда состояла, как мне представляется, таким образом не в том, что он был вовсе освобожден от контроля светских властей, а в том, что этот контроль осуществлялся непосредственно визи-

рем¹. Причины этого станут понятны, если мы выясним, почему храмы вообще обладали правом суда.

3. Причины возникновения и существования храмового суда

Еще во времена Древнего царства культ мертвых приобрел огромное значение. Уже в эти времена фараоны и знать вкладывали громадные средства в сооружения, обеспечивавшие загробную жизнь умерших, и жертвовали заупокойным храмам значительные земельные участки, доходы с которых предназначались для содержания заупокойных жрецов и для отправления всего пышного культа мертвых. Земли, доходы с которых служили вознаграждением храмовому персоналу, хотя и составляли собственность храмов и находились лишь в неотчуждаемом держании жрецов, поскольку они выполняли свои обязательства по отношению к дарителям земель, — все же могли ими передаваться по наследству, при том, однако, обязательном условии, что и наследники продолжали выполнять обязанности заупокойных жрецов².

Земли, жертвуемые заупокойным храмам их прежними собственниками, передавались со всеми привилегиями, которыми обладали их дарители. Кроме того, на них распространялись те привилегии, которыми располагал данный храм. В силу этих привилегий, например, уже во времена IV династии жречеству запрещалось судиться из-за своего жреческого иммунитета перед светским судом: «Пусть не судится (заупокойный жрец) перед серами³ [относительно полей, людей и вещей всяких, которые я сделал] для заупокойных жрецов вечности, для заупокойной службы в могиле вечности, которая в некрополе [пирамиды «Велик Хафра»]» («Urk. d. Alt. Reichs», I, 13, 10—13). Если же тяжбы заупокойного жречества не затрагивали их владений, полученных в вознаграждение за жреческую службу, то судебный иммунитет храма на них не распространяется. Но даже и в этих случаях, для того, чтобы суд мог рассмотреть тяжбу, жрецы должны были доказать, что данная тяжба не имеет отношения к их жреческим наделам. Это явствует из той же дарственной: «[Если] какой-либо заупокойный жрец вечности появится по другому случаю перед серами... [и он не докажет] серам, что он пришел по другому поводу, его доля дохода отойдет для его братства (s³), к которому он принадлежал...» («Urk. d. Alt. Reichs», I, 13, 14—14).

Изъятие храмовых владений из ведения светских властей фиксировалось и царскими указами: «Не позволяет мое величество восходить посланцу какого-либо начальника Верхнего Египта, какого-либо сера на возвышенность⁴ этого поселения «Мин дает процветать владению Неферкара», ибо оно защищено и освобождено оно для этого храма»⁵. Разу-

¹ Мне представляется, что высказываемое мной мнение не противоречит указанию Большого папируса Гаррис 59, 11: «Я изгнал визиря, входящего в них (т. е. во владения храма в Атрибисе). Я защитил всех его людей, бывших у него, я дал ему (т. е. храму), подобно храмам великим в этой стране, пребывать защищенным и охраненным во веки», — на которое обратил мое внимание акад. В. В. Струве. Мне кажется, что это замечание текста говорит лишь об экономической независимости храма от власти визиря и сообщает о том, что этот последний был лишен права взыскивать с владений храма Атрибиса и с храмового персонала разного рода подати и повинности (подобно тому, как уже имело место в отношении других храмов, обладавших таким же иммунитетом).

² Обо всем этом см. подробнее в моей работе «Иммунитетные грамоты Древнего царства», ТОВЭ, I, стр. 93 сл.

³ В данном случае это звание членов судебной палаты.

⁴ Т. е. на то место, где издавались приказы, обязательные для персонала храма и его владений.

⁵ «Urk. d. Alt. Reichs», I, 291, 17—292, 2. Выражения «защищено» и «освобождено» являются специальными терминами, обозначающими иммунитет. Они относятся к освобождению данного владения от разного рода повинностей и податей.

меется, когда цари Египта дарили храмам большие земельные участки и снабжали их иммунитетными грамотами, они были далеки от желания высвободить жречество из-под своей власти: иммунитетные грамоты преследовали цель обеспечить целостность переданного храмам имущества для того, чтобы заупокойный культ, равно как все вообще богослужение, из века в век выполнялся надлежащим образом.

Важнейшим условием осуществления этой задачи являлось изъятие храмовых владений из ведения местных, номовых властей, особенно чиновников фиска, заинтересованных не только в полном выполнении всех лежавших на номе повинностей, но и в превышении сбора предусмотренных податей и потому могущих посягнуть на значительную долю храмовых и жреческих доходов. Совершенно иной в данном случае была позиция визирия, представлявшего интересы фараона и центрального аппарата, рассматривавших храмовую сокровищницу как резервную, которой фараон, как земной представитель богов, в случаях экстренной государственной необходимости мог распорядиться по своему усмотрению. Потому-то фараоны, освобождая храмы от ведения местных светских властей, ставят храмовое судопроизводство под непосредственный контроль визирия.

Наибольшее количество известных в настоящее время иммунитетных грамот относится к Древнему царству, так как от Среднего и Нового царств дошли лишь единичные экземпляры. Однако было бы большой ошибкой на этом основании думать, что в эти периоды храмовый иммунитет имел меньшее значение. Ведь относительно меньшее количество дошедших до нас от этих позднейших периодов истории Египта экземпляров иммунитетных грамот могло быть вызвано чисто случайными обстоятельствами. В пользу этого предположения прежде всего говорит то обстоятельство, что религиозные воззрения, в силу которых храмы наделялись земельными угодьями, во времена Среднего и Нового царства отнюдь не изменились. Следовательно, нет оснований предполагать, что в эти периоды храмы лишились своих привилегий, обеспечивавших осуществление всей храмовой службы. Да и все то, что известно в настоящее время о могуществе храмов во времена Нового царства, противоречило бы такому заключению. Из этого, разумеется, нельзя делать вывод, что цари Египта не пытались бороться со жречеством, усиливавшее значение которого становилось опасным для престола (и такие попытки, как мы знаем, имели место: наиболее яркий пример тому — царствование Эхнатона); роль отдельных храмов в различные периоды истории ослабевала, вследствие чего они лишались части, и, может быть, даже большей части, своих владений. Однако могущество жречества, взятого в целом, настолько окрепло, что попытки его ослабления не могли привести к сколько-нибудь серьезным результатам.

С другой стороны, о том, что иммунитетные грамоты продолжали существовать и в те периоды истории Египта, от которых они до нас не дошли или дошли в очень ограниченном количестве, свидетельствует иммунитетная грамота Сети I, найденная в Наури: подробность текста и большая детализация различных привилегий, дарованных храму (что особенно ярко видно при сопоставлении надписи с иммунитетными грамотами Древнего царства), говорит о значительной разработанности формулировок подобного рода документов, протекавшей из их обычности и известной стандартности.

Дальнейшее подтверждение моей точки зрения дает судебный процесс о храмовых податях от времени Тутмоса IV: судебное решение, по которому претензии чиновника фиска были признаны неправомерными, дает ссылку на давние привилегии храма, уже бывшие ранее предметом судебного про-

песса: «Сказано судом: «Что касается этих податей богини, которые рассматривались во времена Тутмеса III, было сделано освобождение [их от номарха] равно как [от начальника] Юга, для богини, их госпожи» (Пап. Мук II, 2—3).

Именно поэтому нельзя согласиться с точкой зрения Пиренна, который, рассматривая иммунитетные грамоты не как длительное явление, хотя и испытывавшее на себе воздействие различных социальных и экономических потрясений в жизни страны, а как эпизодическое, полагает, что «храмовый иммунитет, последние следы которого исчезают при XVIII династии, появляется вновь в праве при Сети I в начале XIX династии»¹. Эта точка зрения Пиренна, с необходимостью вытекающая из принятой им схемы истории Египта, представляющей копию реакционной циклической теории Мейера — Брестеда, не далеко ушла и от взглядов Море, видевшего причину появления храмовых иммунитетов в «щедрости или слабости» фараона².

Привилегии, закрепляющиеся первоначально за отдельными храмами, были впоследствии, в большей или меньшей мере, распространены на все храмы³. В силу этих привилегий храмы обладали правом самостоятельно отправлять судопроизводство по вопросам, связанным с имущественными владениями храмов или жрецов как служителей культа. Однако во времена Нового царства эти судебные привилегии, очевидно, уже не удовлетворяли храмы. Мы не располагаем еще конкретными материалами, показывающими, какими путями жречество осуществляло расширение судебных прав храмов, хотя неопровержимые доказательства расширения этих прав мы и имеем. Могу прежде всего указать на примеры того, что в Новом царстве храмовый суд рассматривает также уголовные дела (ОБодБ 253 и ОКМ 25556), а не только имущественные споры. Доказательствами расширения судебных прав жречества безусловно являются также факты, говорящие о присутствии жрецов высших рангов в составе светских судов⁴ или о личной неприкосновенности жрецов и неподсудности их светским властям в месяцы, когда они отправляли свой черед храмового богослужения (ПТМ, LI — LX *rt.* 2, 4—5). Однако самым крупным оружием в руках жречества для завоевания полной судебной самостоятельности и освобождения своих судебных решений от контроля визира явились «божественные» оракулы, получившие наибольшее распространение во времена XIX—XXI династий⁵, благодаря которым жречество получило фактическую возможность разбирать многие судебные дела, непосредственно с храмами или их владениями и не связанные.

Таким образом, мы видим, что дошедший до нас материал, несмотря на свою неполноту, дает все же возможность установить несомненное существование храмового суда на всем протяжении египетской истории, охарактеризовать его состав, функции и пределы его юрисдикции. Все это чрезвычайно важно не только потому, что позволяет восстановить одну из малоизвестных сторон организации древнеегипетского правосудия, но особенно потому, что помогает освещению вопроса о взаимоотношениях жречества и светской власти.

¹ J. P i r e n n e, Introduction à l'histoire du droit Egyptien, Les trois cycles de l'histoire juridique et sociale de l'ancienne Egypte, «Archives d'histoire du droit Oriental», II, Bruxelles, 1938, *ср.* 45.

² A. M o r e t, Le Nil et la civilisation égyptienne, *ср.* 241.

³ Мне кажется, что академик В. В. Струве был безусловно прав, когда указывал, что в до-птолемеевском Египте мелкие храмы имели меньше прав, чем крупные. См. В. В. С т р у в е, Развитие храмового иммунитета, ЖМНП, 1917, август, *ср.* 250.

⁴ См. например, ПБрМ 10053 *vs.* I, 11—13 и многие другие, а также надпись Меса.

⁵ См. об этом И. М. Л у р ь е, Судебные оракулы в Древнем Египте, ЗКВ, IV (1930), *ср.* 51 *сл.*